
Н. ГУСЕВА

Г. С. ЛЕБЕДЕВ И ЕГО «БЕСПРИСТРАСТНОЕ СОЗЕРЦАНИЕ»

(Из истории русской индологии)

Русская индология прошла длительный путь исторического развития. Одним из пионеров ее был талантливый ученый — самоучка Герасим Лебедев, проживший в Индии 14 лет и издавший в 1805 г. книгу об этой тогда еще малоизвестной в России стране — «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев».

Исполнившееся недавно 150-летие со дня опубликования этой замечательной книги дает повод напомнить ее содержание и привлечь внимание к ее автору.

Герасим Степанович Лебедев родился в 1749 г. в семье священника. Из-за недостатка материальных средств образование его ограничилось тем, что к 15 годам он научился только «национальной тогдашнего времени грамоте и случайно музыкальному искусству» (стр. II).

Характеризуя свои жизненные устремления, Г. Лебедев пишет, что его воспламеняла «ревность к обозрению света, к усовершению природных моих склонностей и к снисканию как для меня, так и для соотчичей моих полезнейших светлений» (стр. II).

Вероятно, движимый этим интересом, он поступил на работу в Иностранную коллегия.

В 1775 г. Лебедев отправился в путешествие по странам Западной Европы, побывал в Австрии, Италии, Франции, Англии, выступая как музыкант при королевских дворах и этим зарабатывая себе на жизнь. Из Англии Лебедев вместе с одним богатым англичанином, к которому он поступил на службу, направился в Индию и в августе 1785 г. на корабле «Родисъ» прибыл в Мадрас.

Говоря о целях своего путешествия в Индию и о задачах, которые он ставил перед собой, публикуя книгу об этой стране, Лебедев подчеркивает давность интереса к Индии в России.

«На сердце еще Петра Великого лежало возыметь сближение с Великим Моголом, как то явствует из бывшей в 1716 году в великую Тартарию экспедиции под начальством Александра Беккевича Черкасского, равно как и из монаршей того же великого императора грамоты, ... посланной в 1723 году чрез вице-адмирала своего Вильстера к тогдашнему индийскому самодержцу; да то же самое усматриваем и из ответного письма французского аббата Биньон, которому от его величества препоручаемо было перевести Каль-мукские, или (Монкбольские) Монгольские писания».

Лебедев выражал надежду, что его книга обратит на себя внимание не только соотечественников, но и «разностранных», а также поможет ознакомиться с древними эпохами, изучение которых «содействует в рассеянном по лицу земли человеческом роде союз, ... подкрепляет взаимную связь желаемого между народами дружелюбия и соединяет способности к восстановлению всеобщего и всемирного блага». По его мнению, Индию важно знать не только потому, что она чрезвычайно изобильна, но главным образом потому, что она является той частью света, из которой расселился по лицу земли весь человеческий род и язык которой сходен со многими азиатскими и европейскими языками. Он ссылается на Ломоносова, который «в краткой его о Россах Истории объявляет, что «прародители Славенские Сарматы, Амазоны, Варяги, Россы, или Росселаны, и другие разные народы, происхождение свое имеют из Азии, и составляют один рассеянный народ». А на индийском языке те же самые именованья выговариваются Шор-мата.... Амарчъоны... Бара-гей, или Барь-гей... Россъями, или Россольями» (стр. I).

Лебедев упоминает также об Алексее Агафонове, который «в переведенной им на российский язык манжурского и китайского Шунь-джи Хана книге о законах, представляет множество слов шомскритского языка» (стр. I). Таким образом, Лебедев уделяет особое внимание прослеживанию лингвистической общности между языками Индии (шомскритский язык — санскрит) и языками соседних с нею стран.

Продолжая начатую его предшественниками работу, Г. Лебедев делает смелую, хотя и беглую попытку проследить аналогии в русской и индийской этнографической терминологии и выявить этногенетическую общность ряда народов — от варягов до

индийцев. Если эта попытка и несостоятельна с точки зрения современной науки, все же она характеризует Г. Лебедева как человека, обладавшего незаурядными исследовательскими способностями.

Попутно отметим, что Лебедев придавал большое значение ознакомлению русского читателя с индийской письменностью. Он приобрел для своей типографии, в которой печаталось «Беспристрастное созерцание», бенгальский шрифт и включил в текст книги большое количество оригинальных бенгальских слов и названий.

Книга Г. Лебедева состоит из 3 частей и 19 глав.

Первая часть посвящена индийской религии, системе летоисчисления и вопросу «сознания мира; во второй части описываются индийская астрономия и календарь; в третьей — храмы, обряды, праздники, касты, народные обычаи и торговля Индии.

Все эти вопросы изучены Г. Лебедевым с большой тщательностью и добросовестностью. Для того чтобы иметь возможность ознакомиться с памятниками научной и религиозной литературы Индии, он «под руководством почетных Брамгенов и (ученых) Пондитов...» (стр. IV) изучил «Брамгенскую азбуку». Много времени и сил Г. Лебедев уделил изучению бенгальского языка. Он достиг в нем такого совершенства, что перевел на бенгальский с английского две драмы¹ и издал в Лондоне в 1801 г. грамматику восточноиндийских языков². Кроме того, он «несколько научился... мальбарскому народному языку» (стр. III), но углубленно им не занимался, так как сосредоточил свое внимание на распознавании «Брамгенских наук», языком которых, как известно, был санскрит. Нельзя точно установить, что именно понимал Г. Лебедев под «мальбарским народным языком», однако тот факт, что он изучал его в Мадрасе, а также некоторые косвенные данные, имеющиеся в книге, позволяют предполагать, что это был язык тамилы.

Изучая индийские языки, Лебедев пришел к заключению, что от санскрита произошли языки бенгальский и урия, а также язык, употребляемый «между рассеянными в свете цыганами, происшедшими от племен индийских...» (стр. IV). Заметим, что последний тезис получил дальнейшее развитие в научной литературе только во второй половине XIX в., почти через сто лет после пребывания Г. Лебедева в Индии.

Кроме описания языков, Г. Лебедев приводит в «Беспристрастном созерцании» краткий очерк ведической литературы, а также упоминает о научной литературе и о существующих в Индии науках.

Очень подробно, с приведением местных названий, описывает Г. Лебедев в одной из глав своей книги индийские иконы и богов, разъясняя их символику. Он излагает основы индийского летоисчисления и астрономии и приводит календарь, расшифровывая все встречающиеся в нем названия и сокращения.

Последнюю часть книги Лебедев целиком посвящает этнографическим наблюдениям. В эту часть, названную им «О священных брамгенских обрядах и народных обычаях», вошли очень интересные материалы, собранные Лебедевым на протяжении многих лет его жизни среди индийцев и близкого общения с разными кругами населения. Глубокое и разностороннее знание освещаемых предметов свидетельствует не только о том интересе, который к ним проявлял исследователь, но и о его дружественных отношениях с индийцами, которые, повидимому, очень охотно посвящали его в тонкости своего ритуала и своих общественных и семейных взаимоотношений.

В начале третьей части Лебедев подробно описывает обряд посвящения детей из «высших» каст и порядок заключения брака (в брак можно вступать не раньше 12 лет, сговор заранее производят родители и т. д.). Он сообщает факты, свидетельствующие о строгом затворничестве женщин: «никому из мужеского пола не позволено видеть жену какого ни есть мужа, кроме их родителей; братьям же и не каждому сестрам не иначе отвергается вход, как только в присутствии тех же родителей» (стр. 138). Нельзя пройти мимо ценного замечания, которым Г. Лебедев завершает это описание: «Но сие примечается наиболее в первых знаменитого происхождения классах, а прочим не всегда бывает совместно» (стр. 138). Таким образом Лебедев, в отличие от некоторых более поздних исследователей, обратил внимание на то, что обычай затворничества женщин (равно как и запрет вторичного брака вдов, самосожжение вдов и т. п.) был распространен в Индии только в среде «высших» каст.

О кастовых различиях Г. Лебедев пишет и в главе «О разности чинов и званий индийского народа». Он сообщает, что индийцы делятся на четыре класса, в первый из которых входят брамгены разных степеней, во второй — «чины военных и благородных и ученых людей, именуемых Кетри», третий состоит из «граждан, которые разделяются у них на 36 особых званий» (стр. 153), а четвертый — из «землепахателей, называемых Рейот-лок или Райот-лок» (стр. 154).

Это деление неполностью совпадает с каноническими четырьмя сословиями (варны): брахманы, кшатри, вайшья и шудры, так как в третью группу Г. Лебедев включает наравне с «чистыми» кастами ремесленников и торговцев ряд неприкасаемых каст («дгоба — платомойцев, гары — дряничиистителей, мучи — кожеделателей, напит — брадобриль-

¹ Одна из них хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

² A Grammar of the pure and mixed East Indian Dialects with Dialogues... by Herasim Lebedeff, London, 1801.

щиков» и др.), а крестьян выделяет в особую четвертую группу. Трудно сказать, что именно явилось причиной ошибок Лебедева — недостаточно точная информация или же то, что он не понял всей сложной иерархической структуры кастового строя. О происхождении неприкасаемых Лебедев пишет: «...ни один промышленник в иное ремесло и должность, кроме своего цеха и того дела, которым родители его занимались, никогда в чужое не вступит, исключая в древности поработенных а ныне своевольных гариев, иначе называемых гари, которых происхождение не к одной какой-нибудь относится нации, но зависело от нескольких индийских завоеваний и составляло или род иностранных пленников или недостойных своего отечества изгнанников» (стр. 156). Такое толкование, несомненно, навеяно индийскими пандитами, с которыми Лебедев главным образом общался. Он излагает довольно устойчивую в индийской научной литературе точку зрения на неприкасаемых как только на «иностранных пленников» или «недостойных изгнанников». Нельзя и требовать от Г. Лебедева, чтобы он смог отрешиться от мнения окружавших его индийцев и увидеть в самом факте существования неприкасаемых результат длительного процесса классового расщепления индийского общества.

Подчеркивая, что каждая каста живет по своим обычаям, что отцы обучают своих детей с малолетства секретам своего ремесла и что в пище, одежде и образе поведения индийцы никогда не отступают от принятых правил, Г. Лебедев с возмущением описывает грубое вмешательство европейцев в их жизненный уклад и негодует по поводу того, что «европейцы стараются противу воли индийцев определять их к торговле мясами,... дабы тем самым приучить их к единообразному с европейцами житию; однако ж из сего предприятія нередко рождается более огорчений и неустройств, нежели желаемого единообразия» (стр. 159).

От внимания Г. Лебедева не укрылись также и другие притеснения, которым подвергались индийцы со стороны европейских завоевателей. Он рассказывает о том, как обманом вербуют на корабли индийских матросов, опаивая их предварительно спиртными напитками (стр. 161), как расцветает вольность нравов там, где «помещаются разные приезжие иностранцы» (стр. 162) и т. д.

«...Индийцы, пишет Лебедев, — ни мало не похожи на диких и что более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери» (стр. 155), «При всех однакоже чинимых им притеснениях и тиранствах, при всех вносимых к ним соблазнах, удерживают они достойную подражания непреклонность в благочестии» (стр. 156).

Книга Г. Лебедева проникнута духом искренней симпатии к индийцам и глубокого уважения к их обычаям, знаниям и культуре. «...Я отдавал им справедливость в их знаниях...», замечает автор (стр. IV), — «...все индийские в сей книге речи писал я, не Европейскому, а Индийскому последу произношению...» (стр. IX). Ярко описывает Лебедев богатства Восточной Индии, ее города, ремесла, торговлю.

Но Лебедев был не только объективным наблюдателем и пытливым ученым, жаждавшим познать глубины мудрости индийцев. Он стремился в свою очередь приобщить их к западной культуре. Стараниями Лебедева в Калькутте был открыт театр, в котором ставились драмы, переведенные им с английского языка на бенгальский. Роли в этом театре, пишет он, исполнялись «...обоего пола Бенгальскими актерами... чего прежде меня никто из Европейцев в Калькоте не произвёл» (стр. III—IV). Вклад Г. Лебедева в развитие русско-индийских культурных связей отметил Н. С. Хрущев в своей речи, обращенной к гражданам города Калькутты 30 ноября 1955 г. Говоря о том, что Калькутта является одним из крупнейших культурных центров Индии, Н. С. Хрущев подчеркнул, что в Калькутте «...жил и работал наш соотечественник Герасим Лебедев, который в 1795 г. вместе с передовыми представителями индийской интеллигенции основал первый бенгальский театр»³.

После отъезда Г. Лебедева из Индии созданный им театр прекратил свою деятельность.

Вернувшись в Россию, Г. Лебедев возобновил работу в Министерстве иностранных дел и много времени уделял изданию «Беспристрастного созерцания». Он собирался выпустить и другие книги об Индии, в частности грамматику смешанных Индийских диалектов «Бенгальского языка Граматику, Словарь и Арифметику» и выше упомянутые драмы, на собственном нашем Российском и Индийском языках» (стр. X).

Смерть Лебедева (1818) помешала осуществлению этих планов. Но и то, что он успел сделать — особенно его труд об Индии, явившийся плодом многолетней работы ученого «во славу и пользу отечества», — составляет яркую страницу истории русской индологии.

³ Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане. Москва, 1955. стр. 94.